

УДК 81'37

‘SOUPE’ ИЛИ ‘POTAGE’: ДИНАМИКА ИМЕНИ КОНЦЕПТА**Дмитрий Александр Морель Морель,**

кандидат филологических наук

Леонид Максимович Шашкин,

кандидат филологических наук

*Белгородский государственный университет**г. Белгород, Россия**dmm700@yandex.ru*

В статье рассматривается частный случай динамики концепта и системы средств его лексикализации – возможность изменения имени концепта. На материале диахронного исследования развития и взаимодействия французских синонимов ‘soupe’ и ‘potage’ анализируется данный процесс, его интра- и экстралингвистические предпосылки.

Ключевые слова: *имя концепта, дескриптор, динамика, диахрония, лексическое значение, французский язык, экстралингвистические факторы*

На нынешнем этапе исследования концептов большинство отечественных исследователей (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и др.) единодушно закрепляют за этими ментальными образованиями такие атрибутивные признаки, как многоаспектность, многомерность [11: 18; 21: 38; 5: 14; 12: 47-48; 2: 48; 9], сложноорганизованность [16: 60-64; 19: 43], системность [10: 90-93; 12: 51; 2: 48-49].

На такое свойство концептов, как подвижность, изменчивость, указывает Е.С. Кубрякова и приводит высказывание Л.В. Барсалоу: «Так как люди постоянно познают новые вещи в этом мире и поскольку мир постоянно меняется, человеческое знание должно иметь форму, быстро приспособляемую к этим изменениям» [10: 91].

Точно также как индивидуальные концепты претерпевают значительные изменения в течение жизни конкретной личности [16: 68-71], национальные концепты эволюционируют вслед за развитием конкретного народа. Детальное исследование динамики национальных концептов приводится в работах Н.А. Красавского [9] и С.Г. Воркачева [4].

Глубоко философский подход к динамике ментальных образований в общем и концептов в частности представлен в работах В.В. Колесова [8] и В.И. Карасика [7].

На нынешнем этапе не подвергается сомнению тесная соотнесенность концепта со словом и – шире – с языком [15: 4; 5; 16]. Помимо лексико-семантических выделяются также фразеологические, синтаксические, паремонологические и афористические средства объективации концептов [16: 76-83; 10: 90], рассматривается возможность апелляции к некоторым концептам при помощи морфем. Концепты понимаются как «ментальные образования, получающие воплощение в языке» [7], «культурно-ментально-языковая единица» [19], «représentation symbolique, de nature verbale» [24]. Считается, что именно язык обеспечивает лучший доступ к описанию и определению природы концептов [28; 3: 293]. При этом в рамках лингвокогнитологии естественный язык рассматривается лишь как средство доступа к ментальным образованиям, тогда как в лингвокультурологии он не только и не столько инструмент постижения культуры, он – ее составная часть, поскольку данное направление рассматривает концепт как вербализованный культурный смысл, акцентирует внимание на языковом «теле» концепта [5].

Чаше всего представительство концепта в языке приписывается слову [28: 16; 15: 84-85], которому придается статус *имени* концепта – языкового знака, передающего содержание концепта наиболее полно и адекватно [6], *ключевого* слова-репрезентанта – основного средства, которым чаще всего манифестируется концепт в речи [17: 63]. На наличие у концепта имени, дескриптора, ключевого слова, лексемы-номинанта указывает целый ряд авторов [5; 16; 18: 145; 19: 161], при этом имя, как правило, совпадает с идентификатором лексико-семантической группы (далее – ЛСГ), доминантой синонимического ряда [5: 18].

Для выделения имени того или иного концепта используется ряд критериев, в частности частотность (доминирующий критерий), общеизвестность, многозначность, достаточная абстрактность, значимость для представителей языкового коллектива [17: 63]. С учетом специфики выделения лексем, составляющих ядро лексико-фразеологического поля имени концепта, можно выделить еще один критерий – стилистическую нейтральность, использование без эмоционально-экспрессивных и темпоральных ограничений [16: 125-126].

Несмотря на то, что концепт еще со времени публикации работы С.А. Аскольдова (Алексеева) «Концепт и слово» [1] практически повсеместно признается динамическим системным образованием (см. например публикации М. Минского, Е.С. Кубряковой, И.А. Стернина, С.Г. Воркачева, В.Г. Зусмана, Ю.Т. Тамерьян, А.Н. Приходько), в большинстве работ он рассматривается в синхронии, что дает крайне мало возможностей для анализа его динамики. Помимо этого, если динамичность лексики как наиболее подвижной подсистемы языка уже давно стала общим местом для лингвистики, то ее роль как *средства репрезентации динамики концептов* исследована недостаточно. Также уделяется недостаточно внимания диахронным изменениям имен концептов и возможности смены концептом имени в процессе своего эволюционирования.

Все вышесказанное обуславливает актуальность выбранной темы исследования. Выявленное несоответствие между степенью изученности вопроса и его значимостью в свете современной парадигмы научного знания составляет научную проблему данного исследования.

В качестве объекта исследования мы выбрали концепт, отражающий во французской концептуальной картине мира приготовленную жидкую или полужидкую пищу человека. В ходе проведенного анализа нами были отобраны два претендующих на роль имени данного концепта наименования: 'soupe' и 'potage'. Они являются непосредственным предметом исследования, материалом послужили данные различных французских лексикографических источников (далее – ЛГИ).

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению истории развития и взаимодействия данных наименований уточним, что в настоящей работе, при обращении к семантике наименований, мы исходим из предложенной нами многоуровневой иерархической модели лексического значения (далее – ЛЗ). Она предусматривает выделение пяти сложноорганизованных страт (макроуровней), которые включают в свою структуру компоненты ЛЗ (семы) и логические связи между ними: страты категориально-семантических признаков (наиболее абстрактный уровень, граничащий с грамматическим значением слова) (далее – СКСП) → страты родовых признаков (далее – СРП) → страты дифференциальных признаков (далее – СДП) → страты потенциальных признаков → страты индивидуальных признаков. Первые три страты образуют инвариант ЛЗ (общезыковое, словарное значение), две последние – вариативную часть, актуализирующуюся в процессах коммуникации и номинации [13]. В данной работе под номинативной единицей (далее – НЕ) понимается как моносемичное слово, так и отдельное значение полисемичного слова (ср.: «семема», «лексико-семантический вариант», «словозначение»). Под лексической единицей (далее – ЛЕ) понимается слово, взятое во всей совокупности его значений (ср.: «семантема»), либо безотносительно к числу его значений, как заглавное слово словарной статьи («mot-vedette»), как словоформа (ср.: «лексема»).

Наименование 'SOUPE', впервые фиксируемое в источниках XII в., имеет спорное происхождение. Согласно наиболее обоснованной гипотезе оно образовано от латинского 'suppa' (ок. 500 г.), которое восходит к германскому '°suppa' «tranche de pain sur laquelle on verse le bouillon» [30]. Это подтверждается также тем обстоятельством, что именно германские племена, в употреблении у которых было много жидких блюд, познакомили римлян с подобной кухней [22: 297].

В процессе номинации исследуемое наименование не проявляет расхождений в концептуальной соотносительности с этимологом и начинает служить для обозначения куска хлеба, смоченного в той или иной пищевой жидкости: «SOUPE, subst. fém. A. – Vieilli. Tranche de pain arrosée de bouillon chaud ou parfois de lait, de vin» [30].

В структуре СКСП данной НЕ выделяются две иерархические цепочки компонентов: а) «материальность» → «пища» → «человек как потребитель» → «приготовленная пища»; б) «деятельность» → «приготовление» → «результат деятельности» (соотносятся с компонентом «приготовленная пища»).

В структуре СРП выделяются уровни, образованные компонентами «хлеб» и уточняющими его «ограниченное количество» → «часть целого» и «отрезание как способ ограничения» (см. 'tranche').

СДП также демонстрирует многоуровневую организацию. На отрезанный ломоть хлеба осуществляется дальнейшее воздействие, идентифицирующееся как смачивание («arrosée»), что обуславливает выделение компонентов «смачивание» и «жидкость». Жидкость, в свою очередь, дифференцируется по составу: «бульон» (имеет дополнительную конкретизацию по признаку «высокая температура» [30]), «молоко», «вино» Отметим, что данные компоненты-эквонимы находятся в отношении строгой дизъюнкции.

В начале XIV в. [30; 23: 1992], на основе признаков «жидкость» → «бульон» и «хлеб» возникает НЕ 'soupe', служащая для обозначения полужидкого кушанья на основе бульона, хлеба и/или других твердых продуктов: «SOUPE, subst. fém. ... B. – Bouillon de légumes, de viandes, etc., généralement non passé et accompagné de pain ou de pâtes, que l'on sert au début du repas ou en plat

unique. Synon. *potage*» [30]; «SOUPE n. f. ... 2. (mil. XIVe) Potage ou bouillon épaissi par des tranches de pain ou des aliments solides non passés» [29].

В структуре СКСП данной НЕ выделяются две цепочки признаков: «материальность» → «пища» → «человек как потребитель» → «приготовленная пища» и «деятельность» → «приготовление» → «результат деятельности» (соотносятся с компонентом «приготовленная пища»).

Поскольку суп является сложным пищевым продуктом и рассматривается в неразрывной связи с регламентированным приемом пищи («repas»), то в качестве *родового* признака выделяется «блюдо, кушанье» («qui se sert avant tout autre mets»). Подчеркнем, что сложный компонент «бульон» не может выступать родовым в семантике НЕ ‘soupe’ «суп», как это следовало бы из поверхностного анализа дефиниций большинства ЛГИ, поскольку супы не являются подмножеством бульонов (понятие «бульон» не шире, чем «суп»).

В структуре СДП выделяется иерархическая последовательность уровней, образованных компонентами, отражающими специфику состава супа: «бульон (как основной ингредиент)» → «загущение» («épaissi») → «наличие твердых ингредиентов» («aliments solides non passés»). Ингредиенты дополнительно дифференцируются по своей природе: «хлеб», «изделия из теста» («pâtes»), «мясо», «овощи», «крупы». Данные компоненты-эквиваленты находятся в отношении нестрогой дизъюнкции.

Помимо этого суп дифференцируется по специфике его потребления: он рассматривается как *составная часть регламентированного приема пищи* («repas»), которая характеризуется *первоочередностью потребления* («qui se sert avant tout autre mets»), что обуславливает выделение соответствующих компонентов СДП.

Отметим, что на основе данных компонентов возникают НЕ ‘soupe’ «moment du repas où on mange la soupe» [30] и «dîner en général» [27] (под влиянием того обстоятельства, что суп зачастую являлся единственным блюдом).

Дальнейшая семантическая эволюция ЛЕ ‘soupe’ (со второй половины XIX в.) связана с влиянием ряда обстоятельств.

1) Устаревание исходной НЕ ‘soupe’ «смоченный кусок хлеба» в силу постепенного выхода из широкого употребления подобного кушанья.

2) Центральное положение супа (который являлся основным, если не единственным блюдом) в каждодневном рационе широких слоев населения. Отсюда появление НЕ, обозначающих а) *съедобное* («repas, nourriture» (1660); «la nourriture simple et substantielle» (1672); «plat unique plus ou moins liquide qu'on servait aux soldats en campagne»; «repas servi dans certaines communautés (armée, prisons)» (1690); «la nourriture, en tant que moyen de subsistance» (1861)); б) *несъедобное* (в т.ч. нематериальное: «avantage, profit»; «heure du repas») [30; 29; 23: 1992].

3) Наличие у супа специфической консистенции, ставшей основой для ряда ассоциаций. Отсюда появление НЕ, обозначающих а) *съедобное* («pâtée» (ав. 1850); «fourrage vert ou sec, imbibé d'eau, utilisé pour engraisser le bétail» (1871) [23: 1992]); б) *несъедобное* (с яркими эмоциональными образами в силу явного противоречия по признакам «съедобность» vs. «несъедобность»): «neige saturée d'eau» (1926); «eau polluée» (1926); «explosif pâteux» [30; 23: 1993].

Отметим, что вновь образованные НЕ, мотивированные единицей ‘soupe’ «суп», в подавляющем большинстве являлись стилистически окрашенными.

По данным ЛГИ НЕ ‘soupe’ «суп» в последнее время проявляет тенденцию к изменению своей содержательной структуры [30; 23: 1993]. В силу того, что блюдо, обозначаемое рассматриваемой НЕ, имеет более широкое распространение в сельской местности, в семантике данной единицы информативную значимость начинают приобретать потенциальные компоненты, идентифицирующие указанное блюдо как одну из реалий сельского уклада жизни, а вместе с ними – и соответствующая *эмоциональная* оценка (городского жителя) всего, что относится к подобному укладу. Кроме того, фиксируется тенденция к приобретению данной НЕ разговорно-фамильярной маркированности [30].

Таким образом, НЕ ‘soupe’ «суп» обнаруживает устойчивую тенденцию к переходу из разряда нейтрально-информативной лексики в разряд стилистически окрашенной.

Подобное развитие семантики рассматриваемой НЕ представляется вполне логичным результатом длительной конкуренции с НЕ ‘potage’. Последняя, будучи синонимом рассматриваемой НЕ (см. ниже), практически с начала своего функционирования в лексико-семантической системе языка воспринималась (городским населением) как более предпочтительная («*potage*, considéré comme plus noble» [23: 1594], «*potage* est un terme plus élégant» [30]), поскольку она идентифицировала блюдо (схожее по составу и способу приготовления с soupe) как реалию *городского* уклада жизни. Появление в XX в. целого ряда НЕ ‘soupe’, не соотносящихся с макроконцептом «ПИЩА», косвенно свидетельствует в пользу подобной дифференциации.

Отметим также, что ЛЕ 'soupe', в силу того, что она имеет широкий словообразовательный ряд, а одно из ее значений передает реалию повседневного быта, существующую *поныне*, не снижает своей функциональной значимости в языке под давлением НЕ 'potage', однако вынуждена претерпевать семантические изменения в поисках новой «экологической ниши». Именно активное расширение семантемы 'soupe' за счет появления целого ряда переносных значений и терминов обуславливает более выигрышные показатели частотности данной ЛЕ: «**Fréq. abs. littér.:** 1 534. **Fréq. rel. littér.:** XIXe s.: a) 772, b) 2 111; XXe s.: a) 3 724, b) 2 493» (ср.: ЛЕ 'potage' – «**Fréq. abs. littér.:** 304. **Fréq. rel. littér.:** XIXe s.: a) 333, b) 579; XXe s.: a) 600, b) 336» [30]. Отметим, что более низкие показатели частотности во второй половине XX в. объясняются временными рамками отбора текстов для «Trésor de la langue française».

Наименование '**POTAGE**' образовано от 'pot', служившего для обозначения емкости для содержания жидкостей и пищевых продуктов, а также для *приготовления пищи* («POT n.m. ... un récipient de ménage destiné à contenir liquides et aliments (v.1155) ... un récipient que l'on remplit de vin ou de bière... (v.1220) ... (XIIIe s.) une marmite où l'on fait bouillir la viande, *en pot*, dès la fin XIIe s., qualifiant un aliment bouilli avec de l'eau (par opposition à *rôti*)» [23: 1594]), с помощью суффикса '-age', имеющего собирательное значение [30].

В силу того, что *содержимое* емкости, обозначаемой НЕ 'pot', совершенно четко ассоциировалось с чем-то *съедобным*, наименование 'potage' в процессе номинации начало служить для обозначения *пищи*, приготовленной в котелке, горшке, сохраняя тем самым тесные семантические связи с этимологом: «**Étymol. et Hist.** 1. a) Ca 1240 "aliments cuits au pot"» [30].

В структуре СКСП данной НЕ выделяются уровни, образованные компонентами «материальность» → «пища» → «человек как потребитель» а также «собирательность» (см. суффикс '-age'), который соотносится с компонентом СРП «пищевые продукты» («aliments»), и «деятельность», который соотносится с компонентом СРП «приготовление» («cuits»).

В структуре СДП выделяются иерархические уровни, образованные компонентами, конкретизирующими способ приготовления: «термическая обработка» («cuits») → «наличие жидкости» [23: 1594] → «котелок, горшок как емкость для приготовления» («pot»). Помимо этого продукты имплицитно дифференцируются по их количеству: «ограниченное количество» → «емкость котелка, горшка как ограничитель».

В дальнейшем фиксируется некоторое сужение концептуальной соотнесенности рассматриваемого наименования, в результате чего признаки, обозначающие жидкость, в которой пищевые продукты подвергаются термической обработке, резко увеличивают информативную значимость и занимают доминирующее положение в структуре ЛЗ: «**Étymol. et Hist.** 1. ... b) 1530 "bouillon dans lequel on fait cuire des aliments coupés menu ou passés"» [30].

В результате отмеченных преобразований в языке начинает функционировать НЕ 'potage' «жидкое блюдо», характеризующаяся неоднозначностью трактовки ее семантики в разных ЛГИ (от синонима НЕ 'soupe' [27] до синонима НЕ 'bouillon' «бульон» [26]), что отражает определенную степень недифференцированности ее употребления.

Данная особенность обусловлена тем обстоятельством, что на момент появления рассматриваемой НЕ упомянутые выше НЕ 'bouillon' и 'soupe' уже длительное время функционировали в лексико-семантической системе языка и имели прочные парадигматические связи. Под воздействием подобной конкуренции значение НЕ 'potage' (утратившей вскоре поддержку мотивирующей единицы (см. ниже)) начинает развиваться в направлении расширения концептуальной соотнесенности.

1) Рассматриваемая НЕ утрачивает отличия от НЕ 'soupe' по признакам густоты и наличия / отсутствия хлеба и включает в свою семантическую структуру признаки, отражающие специфику потребления: «регламентированный прием пищи», «первоочередность потребления» (так же, как и в случае с НЕ 'soupe' «суп», на основе указанных компонентов возникает НЕ 'potage' «moment du repas où l'on sert le potage, début du dîner» [30]) – см. дефиницию ниже. В результате этого указанные НЕ обнаруживают идентичность своих содержательных структур по набору и группировке компонентов (см. выше анализ организации структуры значения НЕ 'soupe' «суп») и начинают употребляться недифференцированно [30].

2) НЕ 'potage' начинает функционировать *одновременно* как для обозначения жидкой пищи (без твердых ингредиентов – 'bouillon'), так и полужидкой ('soupe'): «POTAGE, subst. masc. A. – 1. *ART CULIN.* Préparation plus ou moins liquide d'aliments bouillis (légumes, viande, etc.), en morceaux ou passés, qui se sert habituellement chaude, additionnée ou non de pâtes, au début du dîner... – *Potage clair, potage lié.* "Les potages dits clairs (ou consommés) sont liquides, alors que les potages dits liés sont plus ou moins épais (soupes, purées, crèmes, veloutés)"» [30].

Если данная тенденция сохранится, то, с учетом описанных выше семантических преобразований, затронувших ЛЕ 'soupe', НЕ 'potage' может стать родовым наименованием для всех жидких

и полужидких блюд, общим идентификатором для лексико-семантических групп «Bouillon» и «Soupe».

Данные французских ЛГИ [25; 30] позволяют выстроить прогностическую модель ЛЗ подобной НЕ.

В структуре СКСП выделяются две цепочки компонентов: осевая («материальность» → «пища» → «человек как потребитель» → «приготовленная пища») и боковая («деятельность» → «приготовление» → «результат деятельности»).

СРП представлена компонентом «блюдо, кушанье» и уточняющими его компонентами-эквонимами «жидкая» или «полужидкая консистенция».

СДП обнаруживает сложное сетевое построение: сначала выделяются компоненты «кипячение» и «твердые ингредиенты», затем идет уточнение характера воздействия на последние, связанное с консистенцией блюда: «удаление» или «протирание» (для жидкого), «нарезание» (для полужидкого). Далее конкретизируется *специфика предоставления* («высокая температура») и *потребления* («регламентированный прием пищи» → «составная часть» → «первоочередность потребления»).

Упомянем также о том, что на основе значения НЕ 'potage' «пища, приготовленная в котелке, горшке» возникла НЕ, служившая для обозначения пищи, необходимой для выживания, разовой персональной порции пищи, дневного пищевого рациона: «POTAGE, subst. masc. ... **Étymol. et Hist.** ... 2. а) 1296 *potage* "pitance"» [30].

Логика подобного изменения концептуальной соотнесенности вполне прозрачна: в рассматриваемый исторический период (XIII в.) пища, приготовленная в котле, зачастую являлась единственным блюдом в дневном рационе членов определенного сообщества (семьи, коллектива и т.п.). Каждый получал свою порцию из общего котла, и, учитывая тот факт, что в среде малообеспеченных слоев населения прием более или менее питательной пищи осуществлялся, как правило, один раз в день, эта порция становилась средством выживания.

Устаревание и полный выход из употребления данной НЕ обусловлены архаизацией мотивирующей единицы ('potage' «пища, приготовленная в котелке, горшке»), вызванной, в свою очередь, устареванием этимона 'pot' «котелок для приготовления пищи». Снижение функциональной значимости в языке этимона было вызвано постепенным вытеснением из обихода обозначаемой им емкости другим видом кухонной утвари с аналогичным назначением: кастрюли – 'casserole' (1583 г. [22: 360]). Помимо этого, практически в то же время в языке начинает функционировать сложнооформленная единица 'pot à feu' (1551 г.) «marmite pour la viande» [23: 1594], более четко и мотивированно дифференцирующая емкость по ее функциональному назначению.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет выявить следующую картину.

С одной стороны ЛЕ 'soupe' сохраняет высокую значимость для французского языкового коллектива, увеличивает частотность и расширяет семантему, то есть удовлетворяет основным критериям выделения имени концепта. С другой стороны вся ее семантема, включая ключевое значение, обнаруживает явную и устойчивую тенденцию к переходу в разряд стилистически окрашенной лексики. Более того, все появившиеся за последние полтора столетия значения либо *напрямую* не связаны с жидкой/полужидкой пищей, либо вообще не соотносятся с пищей.

Более низкая частотность ЛЕ 'potage' объясняется более поздним вхождением в лексическую систему французского языка и существенно меньшим числом значений. Однако, и это особенно важно для нашего исследования, на сегодняшний момент *все* актуальные для французского языкового коллектива значения данной ЛЕ *прямо* соотносятся с рассматриваемым концептом. Более того, оставаясь нейтрально-информативной, она уверенно вытесняет ЛЕ 'soupe' в разряд стилистически окрашенной, постепенно увеличивая при этом свою частотность.

В сочетании с отмечаемой французскими ЛГИ тенденцией к расширению основного значения ЛЕ 'potage' (критерий большей абстрактности) все это позволяет нам говорить, что мы наблюдаем стадию смены рассматриваемым концептом своего имени.

Подчеркнем, что данный случай не является единичным, поскольку во многом похожая картина изменений была выявлена нами при анализе наименований 'remède' и 'médicament'. Изучение ситуации с именем макроконцепта, репрезентирующим во французской картине мира пищу в целом [14] показало, что процессы смены имени концепта не должны быть особой редкостью в истории языка.

Полученный вывод имеет определенную научную новизну, впрочем, для его окончательной верификации необходимо проведение дополнительного исследования ряда других концептов в диахронии. Однако уже сейчас полученные результаты могут найти применение в практике преподавания курсов истории языка, лексикологии, когнитивной лингвистики, семантики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: «Academia», 1997. – С. 267-279.
2. Берестнев Г. И. О «новой реальности» языкознания / Г. И. Берестнев // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1997. – № 4. – С. 47-55.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – XII, 776 с.
4. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. – Краснодар: Техн. ун-т КГТУ, 2002. – 142 с.
5. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66, № 2. – С. 13-22.
6. Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2002. – С. 79-95.
7. Карасик В. И. Эволюция и инволюция концептов / В. И. Карасик // Ethnohermeneutik und kognitive Linguistik. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2007. – S. 44-51.
8. Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ / В. В. Колесов // Вестник СПбУ. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. – 1992. – Вып. 3 (№ 16). – С. 30-40.
9. Красавский Н. А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Красавский. – Волгоград, 2001. – 40 с.
10. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
11. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты: Научные труды Центркоцепта. Вып. 1. – Архангельск: Изд-во Поморск. ун-та, 1997. – С. 11-35.
12. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 296 с.
13. Морель Морель Д. А. Многоуровневая модель лексического значения наименований французского языка / Д. А. Морель Морель. – М.: СГА, 2008. – 243 с.
14. Морель Морель Д. А. Языковые и экстралингвистические факторы развития наименований aliment и nourriture / Д. А. Морель Морель // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: междунар. сб. науч. трудов. – М.; Пятигорск: ПГЛУ, 2006. – Вып. 3. – С. 347-353.
15. Нерознак В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: межвуз. сб. науч. тр. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. – С. 80-85.
16. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
17. Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А. В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.
18. Скорнякова Р. М. Методика исследования концепта / Р. М. Скорнякова // Новое в когнитивной лингвистике. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 142-147.
19. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
20. Стернин И. А. Когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований [Текст] / И. А. Стернин // Новое в когнитивной лингвистике. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 155-163.
21. Убийко В. И. Концептосфера человека в семантическом пространстве языка / В. И. Убийко // Вестник ОГУ. – 2004. – № 5. – С. 37-40.
22. Dictionnaire historique de la langue française / Sous la dir. de A. Rey. – 2-ème éd. – P.: Dictionnaires Le Robert, 1995. – V. 1: A-L. – XXII, 1156 p.: ill.
23. Dictionnaire historique de la langue française / Sous la dir. de A. Rey. – 2-ème éd. – P.: Dictionnaires Le Robert, 1995. – V. 2: M-Z. – 2383p.: ill.
24. Dubois J. Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage / J. Dubois [et al.]. – P.: Larousse, 1994. – LX, 514 p.
25. Encyclopédie Hachette Multimédia: édition standard 2007 [Ressource électronique] / © 2006 Hachette Livre; IDM. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
26. Encyclopédie Larousse Multimédia: l'essentielle 2008 [Ressource électronique] / © 2007 Larousse. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
27. Le Littré: Le dictionnaire de la langue française classique par Émile Littré (Édition de 1872) [Ressource électronique] / © 1995-1999 Redon. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
28. Jackendoff R. S. Semantics and Cognition / R. S. Jackendoff. – Cambridge, Mass.: MIT Press,

1983. – XIII, 283 p.: ill.

29. Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Version électronique [Ressource électronique] / © 1996-1997 Dictionnaires Le Robert. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

30. Trésor de la langue française informatisé [Ressource électronique] / © 2004 CNRS ÉDITIONS; ATILF; NANCY 2. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

УДК 81'42

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В АМЕРИКАНСКОМ КИНОДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Екатерина Владимировна Скворцова,
аспирант

Самарский государственный университет
г. Самара, Россия
katyag@bk.ru

В статье рассматривается функционирование прецедентных феноменов в американском кинодискурсивном пространстве с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Исследование проводилось на материале названий американских фильмов середины XX и начала XXI в.в.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, малоформатный текст, теория прецедентности.

Известно, что одной из самых важных функций названий фильмов является привлечение внимания к продукту киноиндустрии. Поскольку использование прецедентных феноменов в таких номинативных комплексах значительно повышает их рекламный эффект, представляется целесообразным научное осмысление функциональной парадигмы прецедентных явлений, которые используются в контексте названий американских фильмов, завоевавших популярность в середине XX и в начале XXI вв.. Сопутствующая задача настоящего исследования состоит в сравнении полученных данных для выявления динамики прагматического потенциала рассматриваемых наименований.

Применение лингво-когнитивного и лингвокультурологического подходов к подобным исследованиям прецедентных феноменов предоставляет ряд преимуществ. Во-первых, изучение интертекстуальных проявлений в малоформатных текстах (МФТ) названий американских фильмов с позиций теории прецедентности позволяет рассматривать данные явления не только на уровне текста, но и шире, в пределах дискурсивного и даже интердискурсивного пространства. По словам известного культуролога М.Б. Ямпольского, главным парадоксом явления интертекстуальности в кино является то, что «художник постоянно декларирует свое желание преодолеть вторичность текста и вступить в непосредственный контакт с бытием, но это движение в сторону реализма идет по пути бесконечного расширения фонда цитат, усложнения интертекстуальных цепочек, по пути экранизаций литературных текстов и мифологизации. Кино ищет реальность на пути умножения связей с культурой. И другого пути, по-видимому, просто не дано» [3]. С другой стороны, в силу того, что с позиций лингвокультурологии прецедентные феномены рассматриваются как единицы, в значительной степени «насыщенные» культурной информацией и национально детерминирующие культурное пространство [2], а также как «культурные скрепы, сцепляющие отдельные культурные пласты и исторические эпохи в единую систему в синхронии и диахронии» [1], представляется, что различные типы прецедентных феноменов, с одной стороны, отражают ценностные ориентации национально-лингво-культурного сообщества (в данном случае – американского общества), с другой, – формируют и определяют их, влияя на модели социального поведения членов этого сообщества. Дополнительным подтверждением актуальности научного исследования прецедентных феноменов в МФТ названий американских фильмов может служить популярность и широкое распространение продуктов американской киноиндустрии за рубежом, что объективно предполагает распространение их влияния на ценностные ориентиры народов всего мира.

Анализ 5000 названий американских фильмов середины XX века (1950-1959 гг.) и начала XXI века (2000-2009 гг.) выявил высокую степень представленности категории прецедентности в исследуемых единицах: доля МФТ, содержащих прецедентные феномены, составила 39% от общего количества наименований кинолент периода 1950-1959 гг. и 43% от количества МФТ названий фильмов 2000-2009 г.г., что в числовом выражении составляет 976 и 1075 названий соответственно.